

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

БИБЛИОГРАФИЯ

МЫСЛИ О ЧЕХОВЕ

Владислав Ходасевич писал в одной из своих статей, что «писатель прекрасен всегда — или никогда. Новое время не только требует новых песен; оно по новому слушает старые. — Близко то время, когда Чехову предстоит быть прочитанным по новому».

Читая книгу Б. К. Зайцева*), вспомнил я эти слова Ходасевича. Зайцев видит Чехова по новому, не так, как видел его хотя-бы Андриевский, сказавший, что «Чехов прекрасный писатель своего момента», не так, как видела его русская либеральная интеллигенция конца 19-го и начала 20-го века, а по новому. То, что было скрыто для интеллигентных современников Чехова, в большинстве своем материалистов и безбожников, открывается для нашего современного сознания в совсем ином свете.

Отец Чехова, Павел Егорович, таганрогский счетовод, служащий купца Кобылина, а потом хозяин прогорающей мелочной лавки, заказал себе печатку, где было выгравировано: «Одиному везде пустыня». Этот отцовский девиз будет сопровождать Чехова всю его жизнь. Остался в жизни Чехова еще один след Павла Егоровича — икона Иоанна Богослова. Странное, как будто, сочетание. Но почему Чехов всю жизнь бережно хранил эту печатку и эту икону?

Отец Чехова был религиозен, но религиозность эта была уставщицкая, в которой преобладал не дух, а форма. Это, как думает Зайцев и оттолкнуло от веры его сыновей, которые все стали, если не безбожниками, то маловерами.

«Расписание делов и домашних обязанностей», висевшее на стене в чеховском таганрогском доме, в котором неотлагательно приписывались «правила поведения и хождения в церковь», могло, конечно, только оттолкнуть молодого Чехова и от правил и от хождения. Но все-же христианский мир отца и матери скрытно в нем произрастал.

Это «расписание делов» уже свидетельствует о грубом, мещанском стиле жизни, царившем в семье Чеховых. Эти грубость и мещанство, конечно, не могли не оттолкнуть сдержанную, замкнутую, изящную душу Чехова, и от бытового православия, которое с этим бытом внешне было связано.

Удивительно, между прочим, изящество чеховской души. Все писатели, вышедшие из народа или купечества (некоторые из них были очень талантливы — Горький, Шмелев...) никогда не смогли избавиться от этой их примитивной грубости. Чехов от природы был душевно аристократичен, это одна из загадок Чехова, который несмотря на свой позитивизм, трезвость ума, наивную веру в науку, является одним из самых загадочных русских писателей.

О Чехове существует огромная литература, в частности, в советской России. Советские литературоведы стараются представить Чехова, если не марксистом (что было бы уж слишком глупо), то во всяком случае предвестником марксизма. «Мы увидим небо в алмазах». — (Алмазы коммунисты приписывают, конечно, себе).

*) Борис Зайцев. Чехов. Литературная биография. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1954.

Для восстановления истины, нужно сказать, что Чехов считал, что главный признак марксистов в том, что они «рыжие». Кроме того, упоминал он еще и о марксистах с «надутыми физиономиями». Вряд ли «алмазы», в сознании Чехова, имели к этим физиономиям хоть какое-бы то ни было отношение.

Зайцев не впадает в другую крайность. Он не говорит, что Чехов был писателем христианским. Но некоторые духовные, подземные, глубинные течения в Чехове он прозревает. В этом значительность его книги.

В 1900-м году Чехов писал — «я человек неверующий», и считал, что вера наиболее ему подходящая, это вера Льва Толстого. Но и эту веру он не имел. Внешне, Чехов был врачом, наблюдателем, пытавшимся наукой заменить религию. На медицинском факультете усваивал он некоторую «религию науки». Зачитывался Дарвином — «какая роскошь! Я его ужасно люблю», верил в прогресс, — «через 200-300 лет все будет замечательно».

«Надо сказать прямо», говорит Зайцев, «у Чехова не было веры (т.е. основного чувства идущего из недр: все правильно, с нами Бог)».

Это одна сторона Чехова — позитивная, но, как отмечает Зайцев, не было в Чехове внутренней цельности, а было раздвоение, отсюда его непрочность и тоска. Чехов часто задумывался... Где смысл, где истинная правда, в точности он не знал. Как был он двойственным, так им и остался до конца. Когда его спрашивали о бессмертии души он говорил, что не верит, а через несколько дней говорил, что бессмертие — факт. Умер он без покаяния, хотя и знал, что умирает. Выпил бокал шампанского, сказал «ich sterbe», и умер.

На этом, как будто-бы можно было-бы поставить точку. Но, то, что было закрыто для нас в Чехове человеке, открывается нам в Чехове писателе.

Б. К. Зайцев, очень правильно отмечает, что Чехов, будучи человеком нецерковным, дал в своих произведениях удивительную защиту и даже превознесение того самого духовенства, которому готовили уже бунтовщики разных мастей, мученический венец. Вспомним, хотя бы, образы отца Христофора в «Степи», дьякона в «Дуэли», пресвященного Петра в «Архиерее». В «Степи» Чехов пишет, что «старика только что вернувшиеся из церкви, всегда испускают сияние». Сияющее всеединство «глупенького» отца Христофора, по верному замечанию Зайцева, сближают его с мудрецом и философом В. Соловьевым. Все это, конечно, было увидено Чеховым бессознательно, но удивительно, что художник Чехов открывает нам, то, что Чехову человеку было закрыто.

Замечателен, в этом смысле чеховский рассказ «Мужики», в котором грубость и ужас русской деревенской жизни, соединяются со светлыми и высокими религиозными чувствами: Чехов художник показывает нам, что между небом и землей не пусто.

В этом же смысле, необыкновенно интересен другой рассказ Чехова «В овраге», в первый раз напечатанный по странной случайности в марксистской Горьковской, «Жизни». В этом рассказе внутренне побеждают смиренные и святые. Живоность живет в сердцах людей. Зайцев правильно пишет, что в этом рассказе образ Липы с младенцем, почти видение евангельского оттенка.

В рассказе «Студент», который по словам Чехова, был его любимой вещью, студент Духовной Академии рассказывает бабам у костра о том, что происходило 2000 лет тому назад в Иерусалиме, во дворе первосвя-

щенника. Зайцев прав, когда говорит, что вместе с бабами, в этом рассказе плачет и сердце Чехова. Христова правда составляет главное.

Книга Б. К. Зайцева написана этим первоклассным мастером, как всегда, с изысканной простотой. Представляет она интерес не только, как некое новое свидетельство о Чехове, но и как прекрасный образец русской художественной прозы.

Влад. Смоленский.